

ГРАНОВСКИЙ И СЛАВЯНО-БОЛГАРСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

С. И. Муртузалиев

Муртузалиев, С. И. Грановський і слов'яно-болгарська проблематика

Т. Н. Грановського по праву можна зарахувати до когорти російських істориків, що сприяли просуванню досліджень про південних слов'ян на якісно вищу щабель. Проблеми історії слов'янських народів він захопився під час перебування у Празі 1838 р. Інтерес до слов'янської проблематики у Грановського зберігався й надалі, що підтверджується його пізнішими листами та матеріалами лекційного курсу 1845/1846 навчального року.

Ключові слова: Грановський, слов'яни, болгари, лекції, всесвітня історія, «неісторичні» народи.

Муртузалиев, С. И. Грановский и славяно-болгарская проблематика

Т. Н. Грановского по праву можно причислить к когорте российских историков, способствовавших продвижению исследований о южных славянах на более высокую ступень. Проблемами истории славянских народов он увлекся в Праге (1838). Интерес к славянской проблематике у Грановского сохранился и в дальнейшем, что подтверждается его письмами более поздней поры и материалами лекционного курса 1845/1846 учебного года.

Ключевые слова: Грановский, славяне, болгары, лекции, всеобщая история, «неисторические» народы.

Murtuzaliev, S. I. Granovskiy and Slavo-Bulgarian issues

T. N. Granovskiy ranks among the cohort of Russian historians, contributing to the promotion of research on the southern Slavs to a higher level. In Prague (1838) T. N. Granovskiy became fascinated by the history of the Slavic peoples. Interest in Slavic issues Granovskiy preserved, as evidenced by his letters and materials of the lecture course in 1845/1846 academic year.

Keywords: Granovskiy, Slavs, Bulgarians, lectures, general history, «unhistorical» peoples.

В историографии второй половины XIX–XX вв. многократно отмечалось, что в «безмолвии и мертвом покое николаевской темницы хорошо думалось». Царизму не удалось поработить передовых людей той эпохи ни умственно, ни духовно – в сфере «высоких идей» они одержали победу над самодержавием¹.

Видным представителем этого периода российской истории был Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855) – профессор всеобщей истории и декан историко-филологического факультета Московского университета, один из представителей «западничества» в России первой половины XIX века. Современники и последователи характеризовали Т. Н. Грановского не иначе как «Пушкин истории», «великий ученый», «идеальный профессор», деятель просвещения, который «думал историей, учился историей и историей впоследствии делал пропаганду», мыслитель, который «в своей области пробил окно в Европу». «Человек сороковых годов», он вместе с П. Н. Кудрявцевым (1816–1858) – своим студентом, который под влиянием Грановского на последних курсах университета стал заниматься историей, а потом и коллегой по кафедре – стоял у истоков отечественной медиэвистики и закладывал фундамент российской науки о всеобщей истории.

Родившись в дворянской семье среднего достатка, Грановский по ряду причин не смог получить систематического образования, пока не поступил на юридический факультет Петербургского университета, в котором учился с 1832 по 1835 годы. В университете молодой Грановский получил «добрую солидную школу», познакомился «со многими науками», что позволило ему «собрать хороший запас фактических сведений разного рода»². Этим, в основном, дело и ограничилось, так как в начале 1830-х годов университет переживал тяжелые времена, в нем царил зубрежка и посредственность³.

Вскоре после окончания университета Грановский получил предложение готовиться в профессора истории для Московского университета и отправился в длительную заграничную командировку (1836–1839 гг.). В Берлинском университете стажер слушал лекции и занимался с такими известнейшими корифеями того времени как Л. Ранке, К. Риттер, Ф. К. Савиньи, Э. Ганса и др., знакомился с передовыми идеями и методикой западно-европейской медиэвистики, с гегелевской философией. Именно тогда Грановский увлекся французской и английской историографией, трудами Э. Гиббона, Ф. Гизо, Ж. Мишле,

О. Тьерри и Д. Юма, «в которых особое внимание уделялось социально-политическому аспекту исторического развития»⁴.

Во время пребывания в Праге (1838 г.) Грановский познакомился с видными представителями чешского национального и культурного возрождения, а также с молодыми российскими славистами О. М. Бодянским и Н. Д. Иванишевым. Здесь молодой историк увлекся проблемами истории славянских народов⁵. В письме из Праги Грановский писал: «Что будет из южных славян – бог весть. ...Но что в них шевелится новая жизнь, что у них есть новые потребности, в этом нет сомнения»⁶.

Грановский сообщил Н. Г. Фролову о намерении писать статью о положении славянских племен, обо всем виденном, слышанном и передуманном «об этом предмете в Праге», но выражал сомнение в возможности публикации своей работы в России. Само письмо не уцелело – мы знаем о нем благодаря ответу Фролова (27 мая 1838 г.), сохранившемуся среди бумаг Грановского⁷, поэтому нам не известно планировал ли он включить в статью материал о болгарах. Кроме того, следует отметить, что не следует преувеличивать силу славянских увлечений Грановского. Поездка для изучения славянских языков во владения Австрийской империи была, по признанию самого Грановского, предлогом переменить место, развеяться⁸.

Из дальнейшей переписки Грановского мы узнаем, что он занялся изучением славянских языков, историей Чехии и сербских исторических песен, о болгарах стажер не упоминает. Выяснив состояние источниковой базы, молодой ученый пришел к выводу, что «жестко надулся» в своих ожиданиях, так как имеющийся материал не давал того, что стажер искал «в этой науке». «Меня, – писал он, почти исключительно занимает развитие политических форм и учреждений». Сознывая односторонность такого направления своих научных интересов, Грановский тем не менее не смог «из него вырваться»⁹.

Интерес к славянской проблематике у Грановского сохранился, что подтверждается его письмами более поздней поры¹⁰ и материалами лекционного курса 1845–1846 учебного года, которые свидетельствуют о его знакомстве с трудами Ю. И. Венелина по истории Болгарии. Давая студентам характеристику работ молодого Венелина, Грановский критически замечал, что они «носят... печать и сильных дарований, и трудолюбия, но нельзя не заметить», что Венелину «недостает полного исторического образования», отсюда и ошибки и стремление «населить весь мир своими единоплеменниками... Это свидетельствует некоторым образом о младенческом состоянии науки»¹¹ о славянах, заключал Грановский.

В этой связи следует рассмотреть вопрос об общем (массовом) уровне знаний российского общества того времени по всеобщей истории.

Оценивая общий низкий уровень российских учебников по всеобщей истории, изданных в первой половине XIX в., лучше всего сослаться на компетентное мнение Т. Н. Грановского, который писал: «При настоящем состоянии русской учебной литературы... критика не имеет права произносить строгих приговоров. [...] Весьма немногие сочинения имеют у нас значение самостоятельных явлений: большая часть суть только учебные пособия»¹².

В рецензии Грановского (1841 г.)¹³ на учебник С. Н. Смарагдова «Руководство к познанию средней истории» (СПб., 1841) отмечалось, что в книге «нет ни новых самостоятельных исследований, ни даже результатов большой начитанности» составителя. В этом смысле ее нельзя назвать ученой книгой, но «она заключает в себе главные условия, требуемые от учебника». Грановский указывает, что «в основание своего труда» Смарагдов положил сочинения 1830-х годов немецкого историка Лео, удачно сократив и соединив «две книги в одно целое», но там, где Смарагдов отстает от Лео, эти части «наименее удались ему». Несмотря на это, «история г. Смарагдова гораздо выше всего, что у вас сделано в этом роде», – резюмирует Грановский¹⁴.

Характер конкретных замечаний по «некоторым недостаткам» учебника свидетельствует о явно завышенной оценке «Руководства...», чем та, которую Грановский дал в начале рецензии. Лояльность Грановского к составителю учебника объясняется, на наш взгляд, надеждой рецензента на то, что во втором издании отмеченные «недостатки... легко можно исправить»¹⁵. Второй причиной могло явиться то, что Грановский «редко выступал... как критик, еще меньше любил литературную полемику, но никогда не прочь был предпослать свое одобрение полезному изданию, чтоб обеспечить обращение его в публике»¹⁶. Ярким подтверждением этих слов П. Н. Кудрявцева является рекомендация «публике» заведомо слабого «Руководства» Смарагдова.

Надо отдать должное Грановскому, который по прошествии нескольких лет дал более объективную оценку «Учебной книге всеобщей истории» Кайданова (1839 г.) и уже упоминавшемуся «Руководству» Смараглова (1841 г.). В одной из лекций студентам университета (1849–1850 учебный год), характеризуя учебники и руководства по всеобщей истории, Грановский говорил: «Кроме Кайданова, о котором нечего и говорить, есть история Смараглова – дурная переработка или переделка книги Лео. Г. Смараглов ее испортил, потому что многого не понял», зачастую он «не умеет отличить источника от учебного пособия»¹⁷. Фактически «Руководство» Смараглова было хуже своего предшественника – учебника Кайданова¹⁸.

В «Записке... к Программе Учебника Всеобщей истории» (1850 г.) Грановский вновь пишет об отсутствии «хорошего руководства к изучению Всеобщей Истории», которое давно «ощутительно в нашей учебной литературе»¹⁹.

Свое понимание причин недостаточной разработки проблем всеобщей истории Грановский изложил 12 января 1852 года в речи на торжественном собрании Московского университета. Профессор говорил, что хотя история и сделала «великие успехи», но все сочинения первой половины XIX в. по всеобщей истории и за рубежом и в России являются более или менее неудачными попытками «осуществить идеал Всеобщей Истории». Объяснение этому он видел не в «бессилии писателей», а в отсутствии «строгого метода и в недовольно ясном сознании настоящих целей нашей Науки»²⁰.

Всеобщая история, по мнению Грановского, должна иметь дело не с количеством, а с качеством фактов и «восходить от отдельных явлений [конкретных событий – С.М.] к общему [к глобальным обобщениям – С.М.], к неизменному, к закону». Она должна идти «путем обыкновенного размышления, и только то, что в ней самой открывается, имеет в ней место». Всеобщая история, в отличие от фактографической всемирной истории, раскрывает «внутреннее единство» или органичность исторического развития человечества²¹.

Если Грановский и некоторые другие российские ученые пришли в 50-х годах XIX века к пониманию необходимости новых подходов к изучению и освещению всеобщей истории, к созданию новых учебных пособий, то среди значительной части преподавателей первой половины XIX столетия господствовало мнение, что лучшими пособиями являются те, которые проверены, одобрены и утверждены вышестоящими инстанциями. Определенной части российской профессуры 1830–40-х годов, равнодушной к своему делу, подобные учебники позволяли отгородиться от живой науки, оставаться в рамках требований теории официальной народности и, тем самым, не рисковать служебным и общественным положением²².

Хотя необходимость просвещения была официально осознана российскими властями еще со времен Петра I, однако просвещение, столь необходимое в цивилизованном государстве, становилось в России основным источником «революционной заразы». Нуждаясь в собственных специалистах, имевших европейское образование, властные структуры вынуждены были мириться с идущим с Запада «вольномыслием» как с неизбежным злом. В представлении царской администрации задача сохранения освященного веками коренного порядка русской жизни требовала всемерного укрепления существующего строя, а не преобразований. Попытка декабристов разрушить этот «порядок» 14 декабря 1825 года была воспринята царем Николаем I как «отвратительное» событие, дающее право применения силовых мер воздействия против идущего с Запада свободомыслия.

Переходя к рассмотрению лекционных курсов Грановского по всеобщей истории, заметим, что ввиду обширности материала, основным объектом внимания в данной статье является история Болгарии XV–XVI веков. Лекции профессора, пользовавшиеся огромной популярностью у современников, старательно конспектировались студентами и затем расходились во множестве списков среди передовой части российского общества. Кроме того, лекции дают представление о научном уровне и преподавания и преподавателя, а суждения о Грановском в этом отношении далеко не однозначны.

Среди многих дореволюционных историков бытовало мнение, что Грановский не более чем талантливый популяризатор западноевропейской медиевистики. К примеру, с точки зрения О. М. Бодянского, Грановский «это профессор-декламатор, но не писатель; что чужое он очень умеет передать в приличном виде, в формах привлекательных и т.п., но сам создавать, выражать созданное не в состоянии и вообще показывает неумение, не-

ловкость обращаться с пером». О. М. Бодянский «внутренне сочувствовал ему, зная это давным-давно»²³.

Подобного же мнения придерживался и профессор М. А. Максимович, читавший в Московском университете естественную историю²⁴. Одним из поводов для такого мнения служило убеждение самого Грановского в том, что русским ученым, специализирующимся по зарубежной истории, еще не время погружаться в «чистый» академизм с его узкой специализацией. Сперва надо понять, что такое история и овладеть ее законами, осознать идеи, связывающие воедино все многообразие фактических данных²⁵.

Мнение это, сложившееся у Грановского еще во время зарубежной командировки, говорит о высокой требовательности ученого, прежде всего, к себе. Друживший с Грановским И. С. Тургенев утверждал, что профессор не имел притязаний «на звание специалиста, ученого в строгом смысле слова...». Весь «проникнутый наукой», он «посвятил себя всего делу просвещения и образования», добросовестно «передавал науку...»²⁶.

Тургенев нашел довольно точное выражение для характеристики основной направленности деятельности друга, которая, однако, не ограничивалась только добросовестной «передачей науки». Исследования советских историков подтвердили высокую оценку исторических трудов Грановского, данную еще в 1856 году Н. Г. Чернышевским. Он писал о том, что Грановский «был одним из сильнейших посредников между наукою и нашим обществом; очень немногие лица в нашей истории имели такое могущественное влияние... Все замечательные ученые и писатели нашего времени были или друзьями, или последователями его»²⁷.

В опубликованных текстах лекций встречается всего одно упоминание, связанное с историей Болгарии XV в. – это один из сюжетов о янычарах, которые «были страшны, выигрывали все великие битвы, при Варне, при Косове...». Во всех остальных случаях Грановский использует термины «христиане» и «славяне», государства которых находились «на южной стороне близ Дуная. Эти государства были... завоеваны турками. Отчаянно сопротивлялись они, но вожди не смогли сдержать этого натиска»²⁸.

Большой абзац посвящен христианским мальчикам (многие из которых рекрутировались из болгар, набираемых в янычарское войско, их распределение: малая часть – в сераль (султанский дворец), большая – отдавалась на время (до достижения 20 лет) анатолийским туркам... Рекруты воспитывались в духе «мрачного религиозного фанатизма», превращавшего их в самых страшных и жестоких врагов христианских народов. «Таким образом, на счет христианского народонаселения поддерживал турецкий султан могущество свое». Из воспитанников сераля «выходили первые военачальники и великие визири; в половине 16 столетия все великие визири... были отсюда». Грановский не указывает откуда он почерпнул эти сведения, но перед этим упоминает Л. Ранке и А. Л. Шлёцера²⁹, труды которых прекрасно знал.

Принципиально новой для России эту информацию не назовешь, но слушатели легко могли связать ее с историей болгарского народа, который все чаще начинает упоминаться в российской прессе и трудах отдельных ученых. Нельзя исключать и вероятность того, что профессор сам мог сделать это на своих лекциях. Известно, что при всей тщательности составления конспекта он не может считаться полным воспроизведением живой речи преподавателя.

Причин столь минимальной информации по истории Болгарии XV в., на наш взгляд, несколько.

1. В опубликованном курсе лекций по всеобщей истории за 1849–1850 учебный год отсутствуют разделы, посвященные Византии и славянам. Издатели ограничились переизданием лекций, имеющих с их точки зрения наиболее существенное значение³⁰. Винить их в этом нельзя, но в нашем случае (и не только для нас) ценность публикации значительно возросла бы в случае полного издания лекционных курсов и всего научного наследия Грановского.

2. Впрочем, возлагать большие надежды на отсутствующие лекции (не включенные в опубликованные материалы) не приходится. В уже упоминавшейся «Записке... к Программе Учебника Всеобщей истории» Грановский сам отмечал, что во «Всеобщих историях», написанных зарубежными авторами XVII – начала XIX в., изложение истории славян давалось весьма поверхностно и предвзято, а хороших, оригинальных «всеобщих историй» в России не создано³¹.

Учитывая тот факт, что распространявшиеся в России «всеобщие истории» представляли собой переводы или компиляции из одного или нескольких авторов (чаще всего немецких или французских), следует признать, что российский читатель (ученик, студент и т.д.) изначально был обречен получить в руки книгу с отмеченными выше упущениями и недоработками.

3. По свидетельству П. Н. Кудрявцева, «строго систематическое» и «последовательное изложение всего содержания науки не было... делом» Грановского; «темные и бесплодные эпохи» он «проходил в быстром очерке», сосредоточивая «внимание на лучших представителях духа времени в каждом историческом периоде»³². Главными объектами исследования он считал государство и религию, т.е. **политическую и духовную сферы деятельности людей**. Таким образом, завоеванная османами Болгария не вписывалась в принятую автором канву изложения.

4. Слабое освещение истории славянских государств во «всеобщих историях» объясняется и распространенным среди историков XIX в. разделением народов на «главные» и «не главные». Грешил этим и Грановский. В ранний период деятельности у него встречается гегелевская мысль о различиях между «историческими» и «неисторическими» народами³³. Позднее Грановский пытался скорректировать слабые стороны теории «неисторических» народов и утверждал, что со временем все народы, слившись в одну семью, станут всемирно-историческими. «Однако ему так и не удалось органично совместить идею плюрализма культур и мультилинейности исторического развития с однолинейной схемой»³⁴.

5. В доставшихся России «всеобщих историях» почти даром³⁵ период болгарской истории с XV по XVI вв. причислялся именно к таким «темным и бесплодным эпохам», народ был «не главный» и яркие личности оставались еще не известны или таковыми не считались. Болгария, утратившая политическую и религиозную самостоятельность в результате османского завоевания, не соответствовала перечисленным выше критериям Грановского, а значит не могла стать ни объектом изучения, ни привлечь особого внимания лектора.

6. Грановский считал, что история Востока представляет большой интерес для исследователя, но она лишена динамики развития. Все бурные события и перевороты «совершаются там большей частью как бы на поверхности. Меняются названия и объем государств, падают династии, но массы коснеют в однообразии неподвижного быта»³⁶. Поэтому история «одряхлевшего» Востока представлена в лекциях профессора весьма слабо и преимущественно Османской империей³⁷.

Политической истории Османской империи, ее султанам, военной организации Грановский уделяет неизмеримо больше внимания, чем Болгарии, но, как правило, в связи с европейской историей. Пренебрежение Востоком в материалах лекций проистекало из убеждения профессора в том, что в эпоху **Средневековья народы Востока «коснеют в продолжении веков в непробудном сне»**, там нет движения вперед, нет развитая, почти нет переходных эпох, т.е. всего того, что могло привлечь внимание Грановского.

Совокупность отмеченных факторов повлияла на тематику и содержание лекций Грановского, на освещение истории Болгарии. В то же время, составленная им «Программа Всеобщей Истории» (1850 г.) свидетельствует о понимании необходимости внесения в учебник специального «отдела», включающего такие вопросы как: «Славянские земли до исхода XV в. ... **Византийская империя и турки. Османы. Взятие Константинополя. Магомет II**»³⁸. Грановский считал, что славянам, возможно, принадлежит будущее, но история и современность – достояние западных романских и германских народов.

«Программа» не получила одобрения у заказчика – нового министра народного просвещения – князя Ширинского-Шихматова. Нам неизвестно, учел ли Грановский свои пожелания в собственных лекционных курсах по «средней» и «новой» истории, которые он продолжал читать в последние годы жизни.

Таким образом, мы не можем говорить о каком-то прямом, непосредственном вкладе либерального профессора в разработку болгарской истории XV–XVI вв. **Вместе с тем Грановского по праву можно причислить к когорте российских историков, способствовавших продвижению исследований о южных славянах на более высокую ступень**. Грановский принес Московскому университету «цвет европейской науки в области Всеобщей истории»³⁹. Ему принадлежит идея специального и более основательного, чем раньше, изучения славянских народов в рамках курса всеобщей истории.

¹ Левандовский, А. А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990, с. 26.

² Кудрявцев, П. Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1887, с. 588.

³ Левандовский, А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989, с. 21, 37.

⁴ Ионов, И. Н., Хачатурян В. М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя, 2002, с. 168.

⁵ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка: В 2 т. Т. 2. М., 1897.

⁶ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка: В 2 т. Т. 1. М., 1897, с. 77.

⁷ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка. Т. 1, с. 78.

⁸ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка. Т. 2, с. 322.

⁹ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка. Т. 1. С. 74–77; Герье В. И. Тимофей Николаевич Грановский. В память столетнего юбилея его рождения. М., 1914, с. 6.

¹⁰ См. напр.: Герье, В. И. Тимофей Николаевич Грановский. В память столетнего юбилея его рождения, с. 37.

¹¹ Цит. по: Миллюков, Д. Из истории русской интеллигенции: Сб. статей и этюдов. СПб., 1902, с. 237.

¹² Грановский, Т. Н. Соч. 4-е изд. М., 1900, с. 502.

¹³ Рецензия, Т. Н. Грановского на учебник С. Н. Смараглова была напечатана в «Москвитянине» (М., 1841. – Ч. 6. – № 12), в отделе критики.

¹⁴ Грановский, Т. Н. Руководство к познанию средней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. СПб., 1841, с. 357 // Грановский Т. Н. Соч. Т. Н. Грановского. 4-е изд., с. 502.

¹⁵ Грановский, Т. Н. Руководство к познанию средней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым, с. 502.

¹⁶ Кудрявцев, П. Н. Воспоминание о Тимофее Николаевиче Грановском (Посвящено ученикам его) // Грановский Т. Н. Избр. соч. М., 1905, с. 26.

¹⁷ Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986, с. 242.

¹⁸ Грановский, Т. Н. Соч. Т. Н. Грановского. 4-е изд., с. 588.

¹⁹ Записка Т. Н. Грановского к Программе Учебника Всеобщей Истории // Грановский, Т. Н. Соч., с. 589.

²⁰ Грановский, Т. Н. О современном состоянии и значении Всеобщей Истории. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского университета 12 января 1852 г. М., 1852, с. 9–10.

²¹ Лекции, Т. Н. Грановского по истории Средневековья. М., 1961, с. 101.

²² Более подробно см.: Левандовский, А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989, с. 37–38 и сл.

²³ Левандовский, А. А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции, с. 8–9, 17.

²⁴ Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1850 гг. Сообщил И. Ф. Павловский // Русская старина. – 1888. – Т. 60, ноябрь. – С. 399–400.

²⁵ Левандовский, А. А. Время Грановского, с. 53–54.

²⁶ Тургенев, И. С. Два слова о Грановском // Грановский, Т. Н. Избр. соч. М., 1905, с. 14.

²⁷ Чернышевский, Н. Г. Избр. филос. соч. Т. 2. М. 1950, с. 29; Косминский, Е. А. Памяти Т. Н. Грановского // Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963, с. 420; Гутнова, Е. В. Грановский как историк / Е. В. Гутнова, С. А. Асиновская // Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья, с. 336, 338.

²⁸ Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986, с. 47, 49.

²⁹ Там же, с. 47, 48, 49.

³⁰ Там же, с. 369.

³¹ Грановский, Т. Н. Соч. Т. Н. Грановского. 4-е изд. М., 1900, с. 590.

³² Кудрявцев, П. Н. Воспоминание о Тимофее Николаевиче Грановском (Посвящено ученикам его) // Грановский, Т. Н. Избр. соч. М., 1905, с. 18–19.

³³ Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986, с. 339.

³⁴ Ионов, И. Н. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века / И. Н. Ионов, В. М. Хачатурян, с. 173.

³⁵ По словам Грановского: «Запад кровавым потом выработал свою историю, плод ее нам достался почти даром». – Цит. по: Герье, В. И. Указ. соч., с. 30.

³⁶ Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья, с. 316.

³⁷ Лекции Т. Н. Грановского по истории Средневековья. М., 1961, с. 92, 201–202.

³⁸ Грановский, Т. Н. Соч. Т. Н. Грановского. 4-е изд., с. 536.

³⁹ Герье, В. И. Тимофей Николаевич Грановский, с. 73.